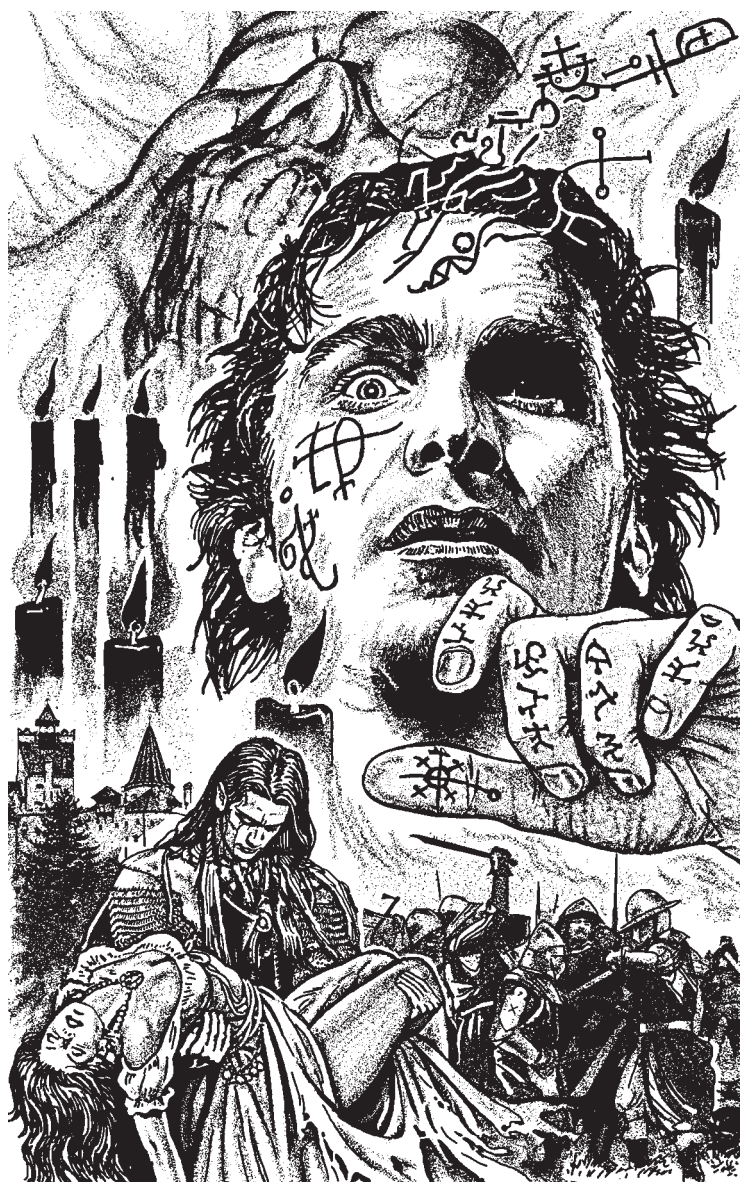

Часть первая

КУКЛОВОД

1

Шел третий час ночи, а Валентин все никак не мог заснуть. Он ворочался на своей роскошной кровати, уже, наверное, в десятый раз взбивал подушку, но сон не шел.

— Нет, это надо же было так обломать нам медовый месяц! — сердито пробурчал юноша и сел на смятой постели. — Ну, Папа, держись! Я тебе тоже какую-нибудь подлянку устрою.

То, что медовый месяц у них с Дашкой затянулся на полгода, юношу не волновало. Он так привык засыпать в своем доме, в своей постели в объятиях своей Дашки, что дурацкую командировку, в которую загнал его жену Стас, воспринял не иначе как злобную провокацию.

— Курсы повышения квалификации, — фыркнул Валентин. — Да куда ей дальше повышаться?! И так с ходячим справочником в одной постели сплю... спал... Нет, Папа, ты все-таки редиска и с сегодняшнего дня лучше не поворачивайся ко мне спиной. Язык покажу или рожу скорчу. Да... это будет достойная месть!

Станислав Николаевич Кончаловский, он же, на языке конторы, Папа, он же по совместительству брат Дашки, был начальником Рамодановского филиала конторы «Ангелы Миллениума». Филиалы были разбросаны по всей стране и так надежно законспирированы в недрах ФСБ, что об их деятельности знали только сам глава ФСБ, президент страны и премьер-министр. Отделения конторы были не только в России. Эта международная

организация тайно работала во всех крупных городах планеты, защищая Землю от нелегальной эмиграции самых разнообразных существ из других миров, жаждущих оторваться в этом забавном, но, к сожалению, запретном для них мире, на страже которого и стояли бойцы конторы «Ангелы Миллениума». Валентин попал в контору случайно, ввязавшись год назад в разборку своей будущей жены с отморозками мелкого бандита Вани Кистеня, и с тех пор жизнь его перестала быть скучной. Вернее, она была нескучной до тех пор, пока вредный Стас не отправил Дашку, лингвиста третьего звена (крыла на сленге конторы), на повышение квалификации в другие миры. Валентин скучал уже третьи сутки в своем великолепном доме, расположенном в районе элитных особняков, где проживала вся местная знать: мэр, крупные чинуши, бойко пускающие на распил краевой бюджет, и самые уважаемые «бизнесмены», вовремя легализовавшие свои бандитские доходы после «лихих девяностых». Особняк Валентину купил Некрон, высший вампир, обязанный юноше жизнью. В той переделке ему пришлось поделиться с парнем своей кровью, и с тех пор он считал его своим крестником, трогательно заботясь о нем.

— Нашел куда Дашку в командировку отправить, — никак не мог успокоиться Валентин, — ни по мобиле не позвонишь, ни в гости не съездишь. Гадский Папа! Обязательно какую-нибудь пакость тебе сделаю. Вот как придумаю какую, так сразу и сделаю!

Несмотря на почтенный возраст (целых двадцать один год!), детство в нем все еще играло. Обработав в очередной раз кулаками подушку, Валентин плюхнулся обратно в постель и плотно закрыл глаза, твердо решив на этот раз обязательно заснуть.

— Один баран... второй баран... третий баран... — начал он считать, но перед глазами все равно стояла Дашка. — Четвертый баран, — скрипнул зубами Валентин. Он прекрасно знал, что если начнет считать Дашек, то уже точно до утра не заснет. — Пятый баран...

До шестого барана Валентину не дала добратся трель телефонного звонка. Юноша взял с тумбочки трубку, не сразу сообразив, что такой звонок на мобиле был поставлен только на незнакомые номера. «Ну, если это Папа, я его через телефон загрызу! Издевается, редиска!»

— На проводе, — сердито буркнул Валентин, принимая вызов.

— Держись за него крепче, чтоб не упасть, — хрюкнула трубка в ответ голосом Игоря.

— Опаньки! — взметнулся с кровати юноша. — Какие люди! Давненько о тебе ничего не слышал.

Игорь Владимирович Нехлюдов был довольно одиозной личностью. Он возглавлял одну из религиозных фанатичных сект, с которыми яро боролась его контора. Инквизиторы когда-то доставили много хлопот ангелам Миллениума, и все были уверены, что покончили с этой организацией еще в Средние века, но она оказалась живучей. Вынырнувшие в двадцать первом веке инквизиторы, как и прежде, провозглашали лозунг «Земля для землян» и безжалостно уничтожали всех представителей иных рас без разбору, используя любые, порой самые грязные, методы ведения войны. Они были так великолепно законспирированы, что конторе никак не получалось напасть на их след, и лишь с одним из них, с Игорем, удалось через Валентина наладить контакт. Правда, контакт этот был односторонний. Ограничивался редкими телефонными звонками, которые невозможно было отследить, что говорило о мощном магическом и техническом прикрытии этой организации.

— Чем порадуешь?

— Благой вестью.

— Какой?

— Можешь своим передать, чтоб снимали с тебя охрану.

— Какую охрану? — нахмурился юноша.

— Плотную. Ты думаешь, я не знаю, как тебя пасут? Хрен прорвешься. Только сейчас с твоей линии прослуш-

ку сняли. Так что о личной встрече даже не мечтай, Херувим.

Херувимом Валентина звали только члены конторы «Ангелы Миллениума», и то, что кодовое имя одного из ее членов известно инквизиторам, напрягало руководство. Все говорило о том, что в конторе завелся крот, которого уже больше полугода безуспешно пытались вычислить.

— Прослушку сняли... — медленно повторил Валентин.

— Ага. Похоже, Стас уже в курсе.

— В курсе чего?

— В курсе того, что об Аненербе можно больше не беспокоиться. Я эти полгода даром время не терял. Я им такую Варфоломеевскую ночь устроил! Ох, дед на том свете сейчас ликует! Не подвел его внучок. Надолго о третьем рейхе забудут, твари!

— Круто.

— Так что с тебя бутылка. Когда проставляться будешь?

— А ты в «Незабудку» сегодня вечером заверни, проставлюсь. Заодно и поговорим.

— В твой ресторан?

— Ага.

— Шутник. Комитет по встрече предвидится большой?

— Не очень.

— Приду, если дашь слово, что разговор будет тет-а-тет.

— Даю.

— Верю. Тебе верю. Жди меня там вечером часов в семь.

— Лады.

В трубке запищали гудки отбоя. Валентин посмотрел на экран дисплея. На нем мерцала надпись «Номер не определен».

— Ожидаемо, — вздохнул юноша, поднялся с кровати,

подтянул трусы и, не обуваясь, двинулся к выходу из спальни.

Он прекрасно знал, что теперь ему уж точно не заснуть без хорошей дозы снотворного. Спустившись на первый этаж, Валентин прошлепал до кухни, где хранилось лекарство под названием «Балтика № 3» (другого снотворного он не признавал), не включая света, распахнул холодильник и замер, выпучив глаза на абсолютно пустые полки.

— Опаньки...

Он точно знал, что еще три часа назад холодильник был забит до отказа, лично заглядывал туда, перед тем как лечь спать, а потому действовал в такой ситуации именно так, как положено действовать агенту конторы «Ангелы Миллениума» в экстремальной ситуации. Этот дом уже не раз становился ареной боевых действий, а потому наученная горьким опытом Дашка нашпиговала особняк оружием под завязку, и оно всегда было под рукой, в какой бы комнате хозяева дома ни находились. Пластиковая стенка внутренней секции холодильника откинулась, юноша выхватил из тайника пистолет, и резким кувырком откатился к противоположной стене, одновременно захлопывая дверцу. Закрывшийся холодильник перестал отсвечивать, и кухня погрузилась в темноту. Тишина. Но у Валентина вдруг возникло стойкое ощущение, что кроме него на кухне кто-то есть еще. Юноша, стараясь не дышать, дополз до входной двери, дотянулся до выключателя, вспыхнул свет и...

— Хозяин, не надо!

На кухонном столе сидел странный пушистый зверек, отдаленно напоминающий Чебурашку, и шустро резал на разделочной доске копченую колбасу.

Что интересно, делал он это с закрытыми, судя по испуганной физиономии, явно от страха глазами, а его косматая коричневая голова все глубже и глубже втягивалась в плечи.

Одновременно, словно кто-то щелкнул выключате-

лем, до Валентина донеслись звуки шипящего на сковороде масла, бурлящей в кастрюлях воды, урчания микроволновки... Работа на кухне кипела вовсю. Содержимое холодильника резалось, строгалось, жарилось, парилось, а готовая продукция уже завалила почти весь кухонный стол, на котором кроме всего прочего стояла галерея самых разнообразных бутылок. В том числе и его любимая «Балтика № 3».

— Ты кто такой?

— Домовой.

— Откуда ты здесь взялся? — потряс головой юноша, опуская пистолет.

— Прикрепленный я. Пока хозяйки в доме нет, ухаживать за тобой буду, за домом следить. А если приживусь, то и насовсем останусь. Не ругайся, хозяин. Испытательный срок прохожу.

— Угу... — Валентин почесал рукоятку пистолета за тылок. — И что ты сейчас делаешь, прикрепленный домовый?

— Кушать готовлю.

Юноша окинул взглядом заваленный кулинарными изысками домового стол, неопределенно хмыкнул.

— Да тут на целую роту жратвы. Ты уверен, что я все это съем?

— Хозяин, это не для тебя. Тебе я с утра приготовлю.

— Не понял, — насторожился Валентин. — А тогда для кого?

— Для охраны твоей. Они приказали перемену блюд сделать, а то у них закуска конча... ой! — Голова домового еще сильнее вжалась в плечи.

— Ага, — дошло до Валентина, — закуска кончается. И где моя охрана сейчас вахту несет?

— Говорить не велено.

— Ты в чьем доме?

— В твоём.

— Значит, я твой хозяин?

— Хозяин.

— А раз я твой хозяин...

— Спасибо!!! — Голова возликовавшего домового выползла из плеч, рот растянулся до ушей, и он еще азартней начал шинковать колбасу.

— Чему ты так вдруг обрадовался? — насторожился юноша.

— Окончанию испытательного срока.

— Не понял, — нахмурился Валентин.

— Раз ты меня своим хозяином назвал, значит, я таперича здесь надолго.

— Таперича... — усмехнулся Валентин. — И как надолго?

— Пока дом этот стоит. А я уж позабочусь, чтоб он долго стоял. И детям, и внукам, и правнукам твоим служить буду.

— Во попал, — снова почесал затылок Валентин. — Ладно, хозяин, значит, хозяин. Ну, тогда отвечай своему хозяину. Где моя охрана?

Домовой опять съезжился.

— В ба-а-ане-э-э... — заскулил он, прижав уши к голове так, что они накрыли глаза.

В принципе Валентин мог бы и не спрашивать. Он уже догадался, что это за охрана и где она в данный момент развлекается.

— Чего уши-то прячешь? — усмехнулся парень.

— Они мне обещали уши оторвать, если я тебя разбужу и про них чего-нибудь скажу.

— Сейчас я им самим уши надеру.

Валентин вернул на место пистолет, воинственно подтянул трусы, сдернул со стола две бутылки водки и решительно двинулся на нулевой этаж, где у них с Дашкой располагался домашний кинотеатр, бильярдная и банный комплекс, включавший в себя сауну, бассейн и даже чисто русскую баньку, которая топилась на обыкновенных дровах.

Однако разогнался он напрасно. Дверь в банный комплекс оказалась закрыта изнутри, а так как руки были за-

няты бутылками, юноша начал долбить в нее ногой. Получалось не очень. Бить в стальную дверь пальцами босой ноги оказалось больно. Валентин развернулся к ней спиной и начал долбить пяткой. Третий удар достиг цели. Дверь распахнулась, Валентин еще раз развернулся и нос к носу столкнулся с сексапильной девицей, на которой, в отличие от него, не было даже трусов.

— Вам кого? — спросила девица.

— В каком смысле «кого»? — опешил юноша.

— В смысле того. Тут люди отдыхают. Пшел вон!

Девица выдернула из рук оторопевшего парня бутылки, и дверь перед его носом захлопнулась. Вот тут-то Валентин и начал потихоньку звереть. Мало того, что в его доме завелись домовые, мало того, что Дашка умотала в какую-то долбаную командировку, а тут еще какие-то б... его в собственную баню не пускают! Следующий удар ноги снес тяжеленную стальную дверь с петель, и она загрохотала по кафельному полу, разнося ажурную плитку вдребезги. Что-то от злости, видать, изменилось во внешности юноши, так как, глянув на него, девица резко развернулась и с диким воплем «А-а-а!!! Вампиры!!!» помчалась в сауну, сверкая белыми ягодицами. Дверь сауны с треском захлопнулась за ней. Валентин мрачно посмотрел на заваленный объедками и пустыми бутылками стол около бассейна и громогласно спросил:

— Ну и где моя охрана?

Никто не откликнулся. Только маленькая собачка, неизвестно откуда здесь взявшаяся, испуганно тявкнула что-то из-под стола, выронив на кафельный пол несоразмерно большой для ее маленькой пасти свиной окорок, за что сразу и поплатилась. Валентин не поленился нагнуться, схватил собачку за шкурку и начал ее вытаскивать из-под стола. Собачка активно сопротивлялась, упираясь всеми четырьмя лапками в кафельный пол.

— Варг, кончай дурью маяться! — выдернул песика наружу Валентин.

Оборотень понял, что его раскусили, и принял свой нормальный вид. Он тоже был нагишом.

Первым из сауны на шум вышел Диор со своей неизменной пластиковой пятилитровой бутылкой «Толстяка» под мышкой.

— Валька, ты что, сюда Некрона притащил? — тревожно спросил он.

— С чего ты взял? — удивился юноша.

— Так вампиры же... — И тут до друида дошло. — Тьфу! Иди сюда, истеричка! Нет здесь вампиров. Это хозяин пришел. Братва, выползай! Это не Некрон. Морды нам сегодня бить не будут.

Дверь сауны открылась, и оттуда начала вываливаться распаренная и счастливая до изумления охрана Валентина. Счастливая до такой степени, что их вынуждены были поддерживать сексапильные девицы, которых в сауне оказалось много. Тора вообще просто несли на руках, а он даже в таком состоянии умудрялся поглаживать по самым соблазнительным местам юных прелестниц. Валентин только головой качал, наблюдая это шествие. Здесь было почти все третье крыло во главе с начальником. Семен Сергеевич, он же Полковник, приветливо махнул рукой Валентину и двинулся к столу, что-то втолковывая на ходу своей спутнице. Следом шел Федор, эскулап третьего крыла, которому и погоняло соответствующее дали — Знахарь. Закоренелый холостяк, он тоже не чурался дамского общества и тискал сразу двух девиц. Добил Валентина Константин — бывший мент и бывший священник, проходящий в их конторе под кодовым именем Батюшка. Проходя мимо, он небрежно осенил Валентина крестным знаменем.

— Так вот, дочь моя, — почесывая волосатую грудь, на которой висел массивный серебряный крест, продолжил Батюшка начатую, скорее всего, еще в сауне проповедь, — в Евангелии от Матфея сказано...

Проповедь из уст Батюшки — дело обычное, если не обращать внимания на личность, которой он эту пропо-

ведь читал. Юная суккубочка, скорчив благостную мордочку, внимательно слушала святого отца, не забывая при этом игриво щекотать его под мышками.

До полного комплекта не хватало только Дашки, которую вредный Стас загнал в командировку, и неразлучной парочки Антона Колдуна и Марии Незабудки, служебный роман которых стремительно набирал обороты.

— Ну и что мы здесь все делаем? — вкрадчиво спросил Валентин.

— Празднуем, — лаконично ответил Полковник.

— Что именно?

— Начало настоящего отпуска, — сообщил Знахарь.

— А раньше он у вас был ненастоящий? — хмыкнул юноша.

— Ненастоящий, — подтвердил Батюшка, оторвавшись от богословской беседы. — Теперь больше нет нужды тебя охранять. Папа дал отбой, ну, и мы решили вознаградить себя...

— Маленьким бордельеро, — закончил за него Диор.

— Охренеть...

— Валька, не будь буквой!

— Ты чё, закуски с выпивкой для друзей пожалел?

— У, какой сердитый.

— Говорил же, надо было со своим прийти.

— Присоединяйся к нам, Херувим, не пожалеешь!

— Девочки, займитесь им.

— А вот этого не надо! — заволновался Полковник.

— Почему? — пьяно промышчал Тор.

— Не стоит забывать про Черную Вдову.

Все сразу поскучнели. Бешеный характер Дашки, проходящей в конторе под кодовым именем Черная Вдова, был известен всем.

— Да, Херувим, на этом празднике жизни ты лишний. Здесь гуляют только холостяки. — Небрежный пасс руки Тора вынес Валентина из банного комплекса. — И скажи лохматому, чтоб закуску с выпивкой тащил. Чего он там копается?

Стальная дверь взмыла в воздух, смачно вляпалась в дверной косяк и молниеносно замуровалась перед носом возмущенного хозяина особняка. Кипящий от негодования Валентин вернулся на кухню.

— Как они там? — тревожно спросил домовой.

— Закуску с выпивкой требуют.

— А-а, это я шас.

Домовой превратился в вихрь, из которого Валентин с большим трудом выцарапал бутылку пива и кусок колбасы.

— Вот уроды... — Юноша посмотрел на опустевший стол, оприходовал свою бутылку, закусил колбасой и пошел спать, прикидывая на ходу, чем бы завтра заняться.

Это была его самая главная проблема на протяжении последних трех дней. Как только Дашку послали в командировку, все их крыло, включая Валентина, официально находилось в отпуске. Серьезных операций неполному крылу, число членов которого должно быть не менее семи, все равно бы никто не доверил.

2

Долго Валентину спать не дали.

«Комбат батяня, батяня комбат!» — взревела телефонная трубка, заставив юношу подпрыгнуть на постели.

— Семь часов, — простонал парень, покосившись на часы. — Совсем Папа озверел.

Эта мелодия в мобильнике была установлена на брата Дашки, и выяснять, кто ему звонит в такую рань, не было нужды.

— На проводе, — рявкнул юноша.

— Чем занимаешься, холостяк? — донесся до него из трубки бодрый голос начальника филиала.

— Сплю, — сердито отозвался Валентин.

— Один?

— Твоими молитвами, Папа. Но, если Дашка через не-

делю не вернется, обязательно загуляю! Будешь тогда знать, как разбивать счастливую семью. Пущусь во все тяжкие и...

— Схлопочешь от своей благоверной. Имея такую жену, гулять на стороне вредно для здоровья. А впрочем, флаг тебе в руки. Я хочу на это посмотреть.

— На то, как я буду гулять?

— На то, что от тебя потом останется, когда Дашка вернется.

— Во, блин, попал. Даже помечтать нельзя.

— Так, завтракай, мечтатель, и в контору. Завтрак уже должен быть на столе. Я тебе, чтобы ты не скучал, взамен Дашки хорошего домового подогнал.

— Уже познакомились, — усмехнулся Валентин. — А ты уверен, что он мне во всех вопросах заменит Дашку?

— Не во всех. Сковородкой тебя, обормота, благословить не сможет. На хозяина руку поднимать не имеет права, а вот от Дашки ты в любой момент получишь запрос. Так что кончай трепаться, завтракай и в контору. Твой отпуск кончился.

— Есть серьезное дело? — оживился Валентин.

— Нет серьезного дела. Просто Черная Вдова попросила загрузить тебя чем-нибудь, если в твою дурную голову мысли нехорошие лезть начнут. Судя по всему, озабоченный ты наш, они уже лезут.

— Использование служебного положения...

— ...в личных целях. Ты все понял правильно. Так что подъем, лейтенант. Жду.

Валентин не спеша поднялся, достал из шкафа пахнувший свежестью и словно только что отутюженный костюм, оделся и спустился вниз. Станислав не соврал. Завтрак уже стоял на столе, около которого шуршал домовой. И не только завтрак. Юноша сунул нос в холодильник. Он опять был полон. Все, что шустрый домовой изъят из него накануне, было на месте.

— Когда успел в магазин сгонять? — поинтересовался Валентин.

— Зачем мне в магазин? — удивился домовой. — Для этого телефон есть. Очень удобная штука. Круглосуточная доставка на дом.

— А деньги откуда взял?

— У нас много денег, — успокоил хозяина домовой, выуживая из воздуха барсетку Валентина, в которой он хранил свои банковские карточки.

— Отдай сюда, лишенец! — возмутился юноша.

— Вот эту, пожалуй, отдам, — извлек из барсетки одну карточку домового. — Там всего тридцать штук осталось. До конца месяца тебе хватит.

— До конца месяца?!!

— Ага. А на остальные не рассчитывай. Вам, молодым, только волю дай, вмиг все растратит.

— Э! Чебурашка, не наглей!

— Я не Чебурашка, я Жила.

— Жила?

— Ага. Имя у меня такое.

— Слышь, Жила, не наглей.

— Мне Станислав Николаевич велел хозяйство тут вести, за тобой и финансами до приезда Дарьи Николаевны приглядывать. Так что хватит с тебя. Денежки счет любят.

— Наличные-то хоть дай, мне машину заправить надо.

— На метро доедешь.

Домовой выложил на стол несколько мелких купюр, банковскую карточку и испарился.

— Во попал! — почесал затылок Валентин и невольно улыбнулся.

Ему действительно было смешно. Хозяйство в их доме вела Дашка. Она с удовольствием вила по своему вкусу их семейное гнездышко, и у «благоверного» о всяких мелочах голова не болела, но Дашка никогда не посягала на святое — не лезла в финансовые дела супруга. У каждого из них была карточка совместного доступа в объединенный семейный фонд, на котором лежало столько, что хватит еще лет на десять безбедной жизни, и у каждого из них были отдельные счета, которые рассматривались ими как

карманные деньги. Похоже, с появлением в доме Жилы ситуация изменилась. Домовой решительно наложил свою мохнатую лапку на финансы, и до возвращения хозяйки дома на них уже можно было не рассчитывать.

Валентин сел за стол.

— Я тут приготовил все, что ты любишь, — сообщил домовой, опять проявляясь в воздухе.

Как оказалось, Валентин любил здоровую деревенскую пищу. Никаких изысков не было. Четверть самогона со стоящим рядом граненым стаканом, большая миска с картошкой в мундире, рядом солонка, огромное блюдо с салатом из свежих помидоров с огурцами, гренки, пирожки, блинчики, плошка со сметаной и неведомо откуда взявшийся, попухивающий паром огромный самовар. А под носиком самовара стояла расписная фарфоровая чашка на блюдечке.

— Ты, до того как ко мне попал, где стажировался?

— Деревенские мы, — шмыгнул носом Жила.

— Это я уже понял. — Юноша решительно отодвинул в сторону стакан. — И ты думаешь, я все это съем? Не многовато ли для завтрака?

— Завтрак съешь сам, — изрек старую народную мудрость домовой, — обед раздели с другом, а ужин отдай врагу!

— Разбежался! В конторе сейчас, кроме Папы, никого из наших нет, а Папа мне теперь не друг.

— Почему?

— Потому что на целых десять дней без Дашки меня оставил. Так что не буду я делиться с ним обедом.

— Тогда ужин ему отдай, — посоветовал домовой.

— Еще чего?! Чтоб я свой ужин отдал врагу? Перебьется. Сам сожру.

С этими словами Валентин навалился на завтрак, но, как ни старался, умять смог только половину приготовленного Жилой, хотя все было очень вкусно. Готовить домовой умел.

— Спасибо! — отвалился от стола парень. — Я пошел.

— Куда?
— На работу. Начальство вызывает.
— Погоди, хозяин, — заторопился домовый. — Скажи сначала: хлев у тебя где?
— Чего? — опешил Валентин.
— Хлев, говорю, у тебя где?
— Зачем тебе хлев?
— А куда я все это девать буду? — кивнул на объедки Жила.
— На помойку, — решительно сказал парень. — Нет у меня ни хлева, ни коровника.
— И коровника нет? — выпучил глаза домовый.
— И коровника нет, и курятника тоже, если тебя это интересует. — Юноша затолкал в карман банковскую карточку и ссуженную на метро мелочь, поднялся. — Ну бывай, Жила, жди к ужину. Да, охрана моя уже разбежалась или все еще гуляет?
— Гуляет, — рассеянно махнул мохнатой лапкой Жила, горестно глядя на объедки.
Валентин покинул кухню и скрылся в прихожей.
— И коровника нет! — покачал головой расстроенный домовый. — Это что ж за хозяйство такое без парного молока? Ай-яй-яй... Такой хороший дом и такой нерадивый хозяин. Непорядок...

Бесцеремонный отзыв из отпуска, причем, по собственному признанию Папы, с использованием служебного положения, возмутил действующего агента «Ангелов Миллениума» до глубины души, и он решил страшно отомстить начальству: ехать на работу не на персональном автомобиле, а на метро! То, что все решил за него Жила, нагло лишив карманных денег, значения не имело. Валентин предпочитал считать, что это его личное решение, его страшная месть!

Два месяца назад в Рамодановске произошло знаменательное событие. Метростроевцы замкнули кольцевую линию и ввели в строй очередную радиальную ветку, раз-

грузив наконец наземный транспорт полуторамиллионного города. При этом отцы города, явно заботясь о народе, сделали от этой радиальной линии аппендикс к поселку Румянцево, где располагался район элитных особняков, исключительно для того, чтобы живущая там золотая молодежь, предпочитавшая нажираться в элитных кабаках центра города, спяну не садилась за руль. Валентин себя золотой молодежью не считал, был трезв, но тем не менее решил, что сегодня самый подходящий момент воспользоваться этими благами цивилизации.

— Здравствуйте, Валентин Сергеевич. Вы сегодня пешком? — удивился охранник на проходной окруженного трехметровым забором поселка.

— Надо быть ближе к народу, — наставительно сказал Валентин. — Сегодня я еду на работу на метро. Как считаешь, Семеныч, это достаточно демократично?

— Еще как, — засмеялся охранник. — Нешто в политику решили податься?

— Я брезгливый. В это дерьмо лезть не хочу. Просто начальство удивить решил, — честно признался юноша, еще больше развеселив охранника.

Дорога до метро много времени не заняла. Станция была в ста метрах от проходной поселка. Демократично купив билет в кассе, Валентин спустился в подземку, дождался поезда, сел в абсолютно пустой вагон и демократично поехал на работу, как простой народ, которого вокруг почему-то не наблюдалось. Первый народ появился на кольцевой и сразу заполонил весь вагон. Валентин поспешил уступить место полной даме с кошелкой и установился на схему Рамодановского метрополитена, прикрепленную к стене вагона. В принципе до работы можно было добраться и по кольцевой...

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Каляево», — пропел из динамика мелодичный голос дикторши.

По кольцевой отпадает, сообразил Валентин. Опоздал. Да и пересадку лишнюю делать придется. Проще в

центре на Чкаловскую линию перескочить и напрямик до Гагарина. Да, это самый оптимальный путь.

Центральный офис конторы «Ангелы Миллениума», скрывавшийся под скромной вывеской «РАМФИЛМО-СКРОВФАБ», что в переводе на нормальный язык означало «Рамодановский филиал московской кроватной фабрики», находился на окраине города, почти в противоположной стороне от зоны элитных особняков поселка Румянцево, так что выбранный Валентином маршрут был оптимальным. Через полчаса он был на месте.

Юноша вышел из вагона и двинулся к выходу из подземки. От станции Гагарина до офиса лучше всего добираться на автобусе, но рачительный Жила выдал ему мелочовки строго на метро, копеечка в копеечку, а потому Валентин решил идти пешком, спрямив дорогу через парк. Так даже будет ловчее, сообразил юноша. Июльская жара 2010-го уже набрала силу, и прогулка в тени деревьев городского парка по утренней тридцатиградусной прохладе — самое то. В автобусной давке его легкий льняной бежевый костюм в один момент превратится в жеваную тряпку. Легче, несмотря на аномальную жару этого лета, Валентин одеться не мог, так как пиджак скрывал «сбрую» с кобурой под мышкой, в которой находилось табельное оружие. Выйдя из метро, парень двинулся по подземному переходу в сторону городского парка.

Подземный переход жил своей привычной жизнью. Газетные киоски, лотки с бижутерией, пирожки, какой-то бард брэнчал на гитаре, с тоской глядя на кепку с парой мелких монеток возле ног, и конечно же грязные, зачуханные нищие, которых в любом мегаполисе было пруд пруди. Валентин прошел вдоль строя попрошаек, стараясь не смотреть на протянутые руки, мысленно проклиная вредного домового, и, уже ступив на каменную лестницу, ведущую вверх, невольно затормозил, увидев девочку лет шести, сидевшую на ступеньках. На первый взгляд она мало походила на обычных нищих. Белое платье, белые банты, простенькие сандалики на детских

ножках, белые носочки. Она сидела на грязных ступеньках, не подложив под себя даже картонки, с тоской глядя на проходящих мимо людей.

— Девочка, ты потерялась? — склонился к ней Валентин, и тут ему в глаза бросился ее макияж.

Неумело наложенный, он казался просто нелепым и неуместным на детском личике. Было еще что-то неуловимо странное в малышке, но что именно, парень не мог понять. Девочка окинула юношу внимательным взглядом, и у Валентина возникло ощущение, что его оценивают как породистую лошадь. Результат оценки был, похоже, положительный, так как девчонка резво вскочила на ноги и, не дав парню опомниться, вцепилась в его руку.

— Дяденька, помогите! Папку бандиты убили, мамка с братиком голодные сидят, кушать нечего. Дайте хоть копеечку.

И тут Валентин «поплыл». Голова закружилась, и на юношу накатила такая дикая слабость, что ноги начали подгибаться. Уже на грани потери сознания он сумел сообразить, что жизненные соки уходят от него, такого большого и сильного, через маленькую ладошку попрошайки, перетекая в детское тельце. Спасла Валентина вампирья кровь, которой когда-то с ним щедро поделился Некрон. Она забурлила в его жилах вместе с волной необузданного гнева, поднимающегося изнутри. Нет, это понятно, когда вампиры пьют кровь, но чтоб какая-то козявка вытягивала жизнь из него, вампира, пусть и скрытого, до конца не инициированного, однако все-таки вампира, да к тому же высшего вампира, это уже наглость!

— Дяденька, ну дай копеечку...

Девчонка не успела убрать свою руку, и высосанная энергия рванула обратно в тело Валентина. Она вернулась полностью, да еще прихватила с собой лишку.

— Ай! — отскочила от парня девчонка.

Отток энергии из нее Валентин сделал такой, что по идее малявка должна была упасть замертво, но она только

головой тряхнула и уставилась на него пустыми, мертвыми глазами. Мертвыми! Вот что упустил Валентин с самого начала. Зомби!

— Тьфу! Недоделок! — прошипела девчонка, скривив рот, наполненный тонкими, острыми, как иглы, зубами, и неожиданно сделала прыжок, норовя вцепиться Валентину в глотку. Тренированное тело бойца среагировало само, на автомате. Встречный удар ноги отбросил девчонку в сторону, и она грохнулась в облицованную гранитной плиткой стену с такой силой, что та треснула под ее щуплым тельцем. Такой удар мог нанести лишь взбешенный вампир, готовый обратиться в туман, и, сообразив это, юноша поспешил загасить в себе кипящую злость.

— А-а-а!!!

— Девочку убили!

— Ты что ж делаешь, ирод?!!

Народ, как и всегда в подобных случаях, вел себя соответственно. Большинство прохожих сразу шарахнулись от Валентина и бросились наутек, а двое решивших погеройствовать мужиков быстро их обогнали, увидев появившийся в руке парня пистолет. Только одна полная дама с тяжелыми сумками в руках безбашенно ринулась в атаку. Но Валентину было не до нее. Ловко уйдя от столкновения, он помчался по лестнице вверх, пытаясь перехватить шустрюю девчонку, скакавшую по ступенькам гораздо резвее, чем он.

— Куда смотрит милиция?!!

— Педофилы среди бела дня за детьми охотятся!

— Держите его!

Он уже почти догнал ее, но в последний момент девчонка сделала гигантский прыжок, который вынес ее на гранитный парапет лестницы.

— Не уйдешь, — прорычал Валентин.

Наперерез ему метнулась плотная фигура в милицмейской форме и отлетела в сторону, снесенная небрежным взмахом руки юноши.

— Стой, сволочь! Стрелять буду! — Напарник пострадавшего милиционера на бегу расстегивал кобуру.

— Сначала догони, — пробормотал Валентин, нарастив обороты.

Ему приходилось проявлять чудеса ловкости, петляя между прохожими. Белое платье девочки мелькало впереди, метрах в пятидесяти. Очень хотелось нажать на курок, но вокруг было слишком много людей. За его спиной милиционеры на бегу торопливо связывались по рации с начальством, сообщая о происшедшем. Они тоже в этой плотной толпе не решались стрелять.

— Докладывает пост пятнадцатый. Срочно перекрыть улицу Гагарина и Новослободскую. Маньяк гонится за ребенком. Мужчина лет двадцати. Бежевый костюм. Вооружен пистолетом. Ведем преследование.

Юркая фигурка в белом платье свернула в проулок, идущий в сторону городского парка. Валентин повторил маневр. Он не обращал внимания на звуки милицейских сирен, уже верещавших со всех сторон. Азарт погони захватил его. Валентин почему-то был уверен, что девочку надо догнать. Обязательно догнать. Это очень важно, а своей интуиции он привык доверять, так как она не раз спасала ему жизнь. Валентин ее практически догнал, но перед самым парком его подрезали две милицейские машины и, пока он перепрыгивал через них, девочка в немыслимом прыжке умудрилась перемахнуть через ограду, и ее белое платье замелькало между деревьев парка.

— Стоять! Бросай оружие!

— Руки вверх.

Они не знали, с кем имеют дело. Вошедшего в темп Валентина остановить не так-то просто. Неосторожно приблизившийся на расстояние удара милиционер отлетел в сторону, вляпавшись в металлическую ограду и медленно стек по ней вниз. Вылетевший из его рук автомат упал под ноги Валентину, но ему было в тот момент не до него, так как он уже открыл огонь из своего пистолета по девочке.

И попал. Как ни уворачивалась она от пуль, одна из

них все же настигла ее, швырнула на землю, но девчонка даже с дыркой в спине вскочила на ноги и окончательно скрылась за деревьями.

— Твою мать!

Сокрушительный удар по затылку бросил Валентина на асфальт, он попытался приподняться, но следующего удара его череп не выдержал. Что-то хрустнуло, перед глазами все завертелось, поплыло, и сознание стремительно ухнуло в бездонную пустоту...

3

— Слушай, Петрович, ну куда ты на меня еще и это навешиваешь? На мне семь дел об изнасиловании висят, из них пять со смертельным исходом. Педофил по городу гуляет. Все сроки вышли, сам же с меня потом стружку снимать будешь. Пусть этим гробокопателем Лызлов занимается. Это же его тема.

— Садись, майор, — хмуро буркнул подполковник.

Васнецов нехотя опустилсся в кресло, уставился на начальника отделения.

— Тут такое дело, Костя. — Подполковник побарабанил пальцами по столешнице. — Не могу я это дело никому больше доверить. Дело личное... как и у тебя.

— В смысле? — насторожился Васнецов.

— Соседка ко мне вчера пришла. Я ее очень хорошо знаю. Добрейшей души человек. Неделю назад беда у нее случилась. Дочка умерла. Совсем малявка. Еще семи лет не исполнилось. А на следующий день после похорон на могилку к ней пошла...

— Да я в курсе, — поморщился майор, — Лызлов мне вчера в жилетку плакался. Развороченная могила. На первый взгляд вроде бы вандал поработал, ерундовое дело, поправь бугорок, и все, но, учитывая поползшие после той статьи по городу слухи... — Майор махнул рукой и замолчал.

История была неприятная. Пару недель назад потерявшая ребенка из-за врачебной ошибки семья обратилась в суд. Для подтверждения неправильной постановки диагноза потребовалась повторная экспертиза, для чего была проведена эксгумация, но тела в могиле не оказалось. Вот тут-то родители погибшей девочки и вспомнили, что, когда пришли на следующий день после похорон на могилу, заметили, что она была разворочена. Словно в ней кто-то копался, а потом очень небрежно засыпал обратно. Эту историю немедленно раздули в газете, и в милицию посыпались заявления от возмущенных граждан. И, что самое страшное, почти все изложенное в этих заявлениях подтвердилось. За последнюю неделю было выявлено уже шесть пустых могил, а заявления все продолжали сыпаться. Объединяло все эти преступления только одно: все исчезнувшие из могил тела принадлежали девочкам от пяти до восьми лет. Последняя в этом скорбном списке была дочка соседки подполковника.

— Так что, Костя, берешься?

— А маньяком мне когда заниматься?

— Параллельно. Я твои дела о педофиле с делом гробокопателей объединяю.

— С какого бодуна? — опешил Васнецов.

— Есть подозрение, что твой маньяк еще и некрофил до кучи.

— С чего ты взял?

— С того, что вчера обнаружена еще одна разоренная могила. Могила Кати Самойловой.

— Твою мать! — грохнул кулаком по столу майор.

— Знакомая фамилия, не правда ли?

— Третья жертва маньяка. Может, случайность?

— Вот это и проверь.

— Скорее придется проверять, все ли жертвы маньяка спокойно в своих могилах лежат.

— И такой вариант не исключен. — Подполковник открыл ящик стола, извлек из него фотографию шестилетней малышки с огромными белыми бантами на голове и

протянул ее майору. — Поверь, Костя, если бы не Юленька, я бы закрыл на это случайное совпадение глаза и ни о чем тебя не просил. Она у меня на глазах выросла. Красавица... в этом платье ее и похоронили. Лызлов парень молодой, опыта нет, а ты лучший следак отделения. Найди этого извращенца. Очень тебя прошу.

— Маньяка мне отдашь? — в упор спросил Васнецов.

— Отдам. Главное, сумей до него добраться. Я прикрою.

— Вот за это спасибо, Петрович. — Майор еще раз внимательно посмотрел на фотографию. — Я возьму?

— Бери, конечно. Теперь тебе этим делом заниматься.

— Можно идти?

— Иди, Костя. Лызлов сейчас по своим осведомителям шныряет, но, как только вернется, я его к тебе со всеми материалами подошлю.

— Добро.

Подполковник проводил взглядом выходящего из кабинета майора. Этот найдет. И некрофила, и маньяка, к которому у него был личный интерес. Землю будет рыть, но найдет. Зверски изнасилованная и буквально порезанная на куски племянница Васнецова умерла на операционном столе, не приходя в сознание, а ее мать, двоюродная сестра Константина, с тех пор стала клиенткой психиатрической лечебницы, и шансов на выздоровление, по признанию врачей, было мало. По идее подполковник обязан был сразу отстранить Васнецова от дела о маньяке, так как он являлся заинтересованным лицом, но старый друг очень просил, и Петрович сдался. Фамилии не совпадают, степень родства не совсем прямая, а если что, майор все на себя возьмет. Дескать, не знало родное начальство о родственных связях следователя с пострадавшей, и все дела.

Сознание медленно, но верно возвращалось в Валентину.

— Может, «скорую» вызвать? По-моему, я ему череп проломил.

— Вот когда сдохнет, тогда и вызовем. Черт! На месте надо было кончать. Какого хрена ты его прикладом, Михаил?

— Да-а-а...

— Вот тебе и да. Девчонка-то удрала. Жертвы насилия нет. Максимум, что ему теперь впаяют, незаконное ношение оружия и сопротивление милиции при задержании. Отсидит, выйдет и опять за свое возьмется.

Валентин зашевелился.

— Живучая тварь!

Валентин буквально физически чувствовал, как сломанные кости черепной коробки на затылке становятся на свои места и начинают срастаться. Лишней энергии от зомби он получил прорву. Интересно, сколько народу эта нелюдь уже угрохала, раз даже после такого оттока энергии сумела удрать?

— Может, все-таки «скорую», Вить?

— А может, пусть все-таки сдохнет? — зло прошипел в ответ невидимый собеседник Михаила.

Валентин слегка приоткрыл глаза и сквозь щелки век просканировал пространство вокруг себя. Судя по всему, его бросили на лавку в обезьяннике, не забыв заковать руки в наручники. Около решетки стояли два милиционера и с откровенной ненавистью, с долей презрительной безгливости рассматривали его.

— По-моему, он пришел в себя.

— Жаль. Лучше бы сдох! — зло сказал Виктор и, заметив кого-то в глубине коридора, поспешил вместе с Михаилом к нему, исчезнув из поля зрения Валентина.

— Товарищ майор, похоже, мы вашего педофила взяли.

— Что?!! Где взяли?

— Около парка на Гагарина. Он от самого метро гнал-ся за девчонкой с пистолетом. Свидетелей куча. Ребята сейчас данные с камер видеонаблюдения подвезут. Их

там, около метро, целых три штуки стоит, а еще на входе банка и супермаркета, мимо которых этот псих пробегал. Так что не отвертится. Думаю, что это ваш маньяк.

— Ели бы ты знал, Витя, какой подарок мне сделал! Что при нем было?

— Удостоверение лейтенанта ФСБ и документы на табельное оружие, из которого он палил.

— Черт! В ФСБ доложили?

— Чего ради? Явная же липа. Да вы сами посмотрите, натуральная туфта!

Эти слова Валентина напрягли. При задержании сотрудника ФСБ органы милиции обязаны были немедленно доложить об этом в соответствующие структуры по месту службы задержанного лица, на что он, собственно, и рассчитывал. Но с какого бодуна его документы недействительны?

— Действительно туфта. — До Валентина донесся звук рвущейся бумаги.

— Товарищ майор, зачем вы это?

— В каком виде документы нашли, в таком они и оказались. Понял?

— Так точно.

— При задержании сопротивлялся?

— Еще как. Спортсмен, наверное. Раскидал наших, как котят. Если б Миша его сзади прикладом не благословил, пока он по девчонке стрелял...

— Так он еще и стрелял! Где он?

— В обезьяннике. В наручниках. Крепкий парень. Вроде очухиваться начинает. Мы думали, Сема ему череп проломил, а он...

— Тащите его в мой кабинет. Как только данные с камер видеонаблюдения доставят, несите их туда же! И быстро.

— Понял. Будем брать тепленьким. О! Николай идет. Коля, данные снял?

Мимо решетки обезьянника прошел молоденький

лейтенант, на ходу обдав ледяным взглядом Валентина, и скрылся в коридоре.

— Все здесь, на флешке.

— Молодцы. Оперативно работаете, ребята. Тащите его ко мне.

— Нам поучаствовать можно?

— Нет! Это мое дело. У меня с этой сволочью серьезный разговор намечается.

Как будет проводиться разговор, Валентин понял сразу.

— Шустрые здесь ребята работают, — пробормотал арестант и заставил себя сесть.

Голова сразу закружилась, но ненадолго. Силы быстро возвращались. Так, прикинул юноша, майор, похоже, стесняться не собирается, несмотря на возможные трения с ФСБ. Позвонить мне отсюда, конечно, не дадут, руки закованы, но зато ноги свободны... ладно, как говорится, будем посмотреть.

— О! Уже сидит.

— А ты боялся.

В обезьянник вошли Виктор и Михаил.

— Вообще-то в таких случаях положено «скорую помощь» вызывать, — спокойно сказал Валентин.

— Сейчас с майором поговоришь, и она тебе больше не понадобится.

— Милые у вас здесь порядки, — улыбнулся юноша.

— Встать!

— А стоит ли стараться, раз вы меня уже похоронили? Несите.

— Да без проблем.

Валентин позволил отволочь себя в кабинет майора и посадить на стул у стены напротив письменного стола, за которым сидел Васнецов.

— Вы свободны, ребята, — кивком поблагодарил Виктора и Михаила майор, поднялся, запер за ними дверь, после чего извлек из стенного шкафа резиновую дубинку и начал деловито обматывать ее тряпкой.

— Какие заботливые у нас органы, — ехидно сказал Валентин. — Еще пару моточков сделайте, чтоб помягче было.

— Сейчас ты у меня иначе запоешь, мразь, — посулил Васнецов.

— Не запою. Вокальные данные хреновые. Мама говорила, что на моих ушах в детстве после медведей еще и стадо слонов потопталось. Так что увольте.

— Еще как уволю. Все, сука, подпишешь.

— А вот на это не рассчитывай, майор. Я своей грудью на ваши амбразуры кидаться не буду. Хочешь на меня все висяки по педикам повесить? Перебьешься. А грохнуть меня здесь не получится.

— Ты в этом уверен?

— На все сто. — Валентин окончательно пришел в себя и активизировал разрыв-траву,вшитую в лацкан его костюма. Наручники тихо звякнули, упав на пол. — Ну что, майор, поговорим?

Рука изменившегося в лице Васнецова невольно потянулась к кобуре.

— Не вздумай! — Окрик Валентина прозвучал как удар хлыста. — Иначе мне придется тебя убить.

«А если ты меня убьешь, — мысленно добавил юноша, — то Некрон все здесь разнесет, и хрен кто его остановит. Никто живым не уйдет».

Майор, не сводя глаз с Валентина, медленно извлек пистолет из кобуры. Юноша напрягнулся, готовясь к прыжку, но дуло пистолета не повернулось в его сторону. Васнецов положил его на стол перед собой.

— Тебе все равно не отвертеться, парень. Слишком много на тебе невинных душ. Ну что, по всем эпизодам колоться будешь или только по последнему делу?

— Знаешь, майор, я тебя понимаю. И ребят твоих тоже. Сам педофилов не люблю. Скажу больше: очень жалею, что на смертную казнь мораторий наложили. Сейчас бы поставить к стенке всех воров в законе, разграбивших страну олигархов, маньяков, педиков, черных

риэлторов и прочую мразь, да одной очередью всех разом под корень! Нормальным людям сразу бы дышать легче стало.

— Ишь ты! А сам у этой стенки оказаться не боишься?

— Нет.

— Надо же, — усмехнулся Васнецов.

Уверенность, с которой держал себя задержанный, произвела на него впечатление. Майор покосился на лежащие на полу наручники. Стараясь не упускать из вида юношу, Васнецов включил компьютер, на ощупь вставил флешку в разъем системного блока, перекачал изображение на экран и открыл первый файл. Как назло, это были кадры с камеры видеонаблюдения гипермаркета, расположенного рядом с парком. Она запечатлела дикий прыжок девчонки через забор и молниеносную схватку Валентина с нарядом милиции. Вот он вскинул пистолет и начал из него палить...

— Все, парень, ты попал по полной. — Майор щелкал мышкой, просматривая данные камер, не забывая наблюдать за Валентином. — А ты, однако, спринтер. Девчонку-то как напугал. Ишь почесала...

— А ты много видел детей, способных развить такую скорость? — подкинул пищу для размышления Валентин.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Васнецов.

— То, что вы вмешались в операцию ФСБ.

— Твои липовые корочки тебе не помогут.

Тут лицо майора изменилось. Он дошел до кадров, которые по идее надо было просмотреть с самого начала. Камера видеонаблюдения была расположена так, что все выходящие из подземки были как на ладони. Майор остановил кадр. Взлетевшая на парашют лестницы девчонка на мгновение затормозила перед очередным прыжком, а потому уже не казалась размытой тенью. Васнецов вытащил из кармана фотографию. Это была она, Юлия. В том же белом платье, в котором ее похоронили.

— Что за хренотень! — Мысли в голове майора понеслись галопом, и все они были одна дурней другой. — Это...

Прервал ошарашенного Васнецова нетерпеливый стук в дверь.

— Откройте, ФСБ.

Валентин сразу узнал голос Станислава. Сердитый и очень недовольный голос. Рука полностью дезориентированного майора опять потянулась к пистолету, но Валентин оказался шустрее. Только что он спокойно сидел на стуле метрах в пяти от Васнецова, и вот он уже нависает над столом с пистолетом майора в руках.

— Я бы на твоём месте не трогал волюну, майор, — укоризненно покачал головой юноша. — Зачем тебе лишние проблемы?

Очередной удар заставил дверь содрогнуться. Судя по всему, Стас услышал про волюну, и ему это очень не понравилось.

— Станислав Николаевич, не ломайте замок, — попросил Валентин, впуская в кабинет брата Дашки, который пришел выручать свояка при полном параде, в генеральской форме, и злого как черт Некрона, щеголявшего в новенькой форме с полковничьими погонами. — За счет управления ведь отремонтировать придется.

— Шутить изволишь? — сердито буркнул Станислав, входя внутрь, покосился на пистолет в руке Валентина, валяющиеся на полу наручники, усмехнулся: — Кажется, я вовремя. Вам повезло, майор.

— Повезло? — побагровел Васнецов.

— Повезло. Лейтенант Святых проявил несвойственную ему в данной ситуации сдержанность, и вы еще живы. Генерал-майор Кончаловский, — представился Стас. — С кем имею честь?

— Майор Васнецов, — встал из-за стола хозяин кабинета.

— Почему не открыли дверь по первому требованию и почему допрос проводится в запертом помещении? —

Взгляд Стаса упал на обмотанную тряпками дубинку. — Впрочем, можете не объяснять. Все ясно.

— Станислав Николаевич, — Валентин запер дверь за Некроном, — вы на него сильно не наезжайте. Меня его ребята в рамках нашего дела прихватили. За маньяка-педофила приняли, а дальше, понимаете... я бы и сам, попадись мне такой урод, не стал сдерживаться.

— Да подожди ты, не вертись! — Некрон, как заботливая нянька, ощупывал юношу со всех сторон.

— Осторожно! — дернулся Валентин.

Рана на голове до конца еще не зажила.

— Да они же ему черепушку проломили! — рассвирепел вампир.

— А я бы на их месте вообще убил, — осадил Некрона парень.

Майор кинул благодарный взгляд на юношу и поспешил затолкать обмотанную тряпками дубину в шкаф.

— Товарищ генерал, надо изъять все данные по нашему делу из ведомства УВД, — кивнул на компьютер Валентин.

Стас подошел к столу. Майор посторонился, уступая ему свое место. Брат Дашки сел в кресло, взялся за мышку и начал листать файлы,

— Да-а-а... наворочал ты дел, Валентин, — недовольно пробурчал он, любуясь на художества своего подопечного. Добила начальника филиала лихая схватка около парка, закончившаяся азартной пальбой. — Безобразная работа. Как ты умудрился упустить из виду этого сержанта? Он же находился сзади!

— У меня глаз на затылке нет.

— Если не хочешь, чтобы на твоём затылке появилась дырка, отращивай на нём глаза! Ну и как ты вляпался в это дерьмо?

— Товарищ генерал, я просто захотел прокатиться до работы на метро. Вы ж сами меня из отпуска вызвали.